

## ЕРМОЛОВСКІЕ ПРИКАЗЫ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ помѣщены новыя матеріалы для біографіи нашего знаменитаго воина и администратора А. П. Ермолова, подъ общимъ названіемъ: „Кавказскіе матеріалы для біографіи А. П. Ермолова“ (\*). Авторъ этого весьма интереснаго сборника „матеріаловъ“, г. Ходневъ, объясняетъ, что собранныя имъ матеріалы заимствованы изъ кавказскихъ архивовъ, въ особенности изъ архивовъ главнаго штаба и лѣваго фланга, а также получены имъ отъ бывшихъ подчиненныхъ Алексѣя Петровича.

Помѣщенные въ помянутой статьѣ матеріалы распределены авторомъ на три отдѣла: къ первому отнесена переписка по кавказскому корпусу, ко второму — документы о персидскихъ дѣлахъ, и, наконецъ, къ третьему — свѣдѣнія о возмущеніи чеченцевъ въ 1825 году.

Признавая обнаруженные г. Ходневымъ матеріалы за весьма интересные и важныя для будущаго біографа Ермолова, мы остано­вимся на нѣсколькихъ характеристичныхъ приказахъ, отданныхъ генераломъ Ермоловымъ, по различнымъ случаямъ, касающимся служебнаго и внутренняго быта войскъ кавказскаго корпуса. Въ этихъ немногихъ приказахъ, а также въ конфиденціальныхъ письмахъ рельефно вырисовывается высокая личность Алексѣя Петровича Ермолова, какъ внимательнаго, строгаго и безпристрастнаго начальника.

Начинаемъ съ перваго приказа генерала Ермолова, отданнаго имъ по случаю вступленія въ командованіе отдѣльнымъ грузинскимъ (впослѣдствіи кавказскимъ) корпусомъ.

Приказъ 16-го октября 1816 года:

„Принявъ начальство надъ войсками, высочайше мнѣ вѣренными, объявляю, о томъ всѣмъ новымъ, по службѣ товари-

(\*). См. „Русскій Вѣстникъ“ 1865 г., № 6.

шамъ, отъ генерала до солдата. Уваженіе Государя Императора къ заслугамъ войскъ заставляетъ меня почитать храбрость ихъ и каждый подвигъ ихъ на пользу службы, возложивъ на меня обязанность ходатайствовать у престола Государя, всегда справедливаго, всегда щедратаго.“

Приказъ этотъ краснорѣчиво подтверждается неусыпнымъ вниманіемъ Алексѣя Петровича къ заслугамъ и отличіямъ его новыхъ подчиненныхъ. Рядъ приказовъ, отданныхъ по войскамъ послѣ смотровъ, и изъявленіе благодарности различнымъ чинамъ корпуса за хорошую службу и молодецкіе подвиги, отличаются такою искренностію и задушевностію, такимъ истинно-военнымъ духомъ, которые „спасибо“ ставятъ выше иной болѣе существенной награды.

Приводимъ на выдержку слѣдующіе приказы этого рода, отданные генераломъ Ермоловымъ въ разное время.

Приказъ 21-го марта 1817 года.

„Представляющемуся сегодня первому баталіону Херсонскаго полка объявляю, что онъ хорошъ. Каждый изъ гг. офицеровъ знаетъ свое дѣло и расторопенъ. Во взглядъ cadaго солдата вижу чувство, что онъ равнаго себѣ не знаетъ, и всего полка гг. офицерамъ объявляю, что мнѣ извѣстно отличное ихъ поведеніе, достойное уваженія. Командующаго полкомъ, господина подполковника Рябинина, особенно благодарю за состояніе полка, свидѣтельствующее рачительную службу стараго, хорошаго офицера.“

Приказъ 8-го сентября 1820 года.

„Войска донскаго генераль-маіору Власову обязанъ я отдать справедливую похвалу за скорое прибытіе съ отрядомъ въ Ширванскую область. Ни лѣтнее время, необычайно знойное, ни въ пути недостатокъ продовольствія не препятствовали быстрому казаковъ движенію, что способствовало удержанію спокойствія между жителями, которыхъ набѣгъ Мустафы, бывшаго хана, могъ привести въ замѣшательство. Вижу по времени, что минуты не было потеряно, и съ удовольствіемъ замѣчаю, что войскамъ нашимъ нѣтъ путей непроходимыхъ.“

Независимо отъ личныхъ изъявленій благодарности, которою поощрялъ генераль Ермоловъ cadaго подчиненнаго, отъ низшаго чина до генерала, Алексѣй Петровичъ употреблялъ все стараніе объ ходатайствованіи отличившимся и честнымъ служакамъ высочайшихъ наградъ. Всенеданійшія письма къ

государю императору и письма къ военному министру, приведенныя въ разсматриваемой нами статьѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ неусыпной заботливости и внимательнаго и умнаго начальниа о награжденіи достойныхъ подчиненныхъ.

Но, стараясь о награжденіи достойныхъ, генералъ Ермоловъ безпощадно каралъ виновныхъ, хорошо понималъ силу и значеніе разумнаго сопоставленія и примѣненія системъ: награжденій и наказаній. Мы не будемъ говорить здѣсь о примѣненіи къ виновнымъ наказаній, опредѣленныхъ закономъ: повѣстно, что существовавшая система высканій и наказаній, смотря по степени виновности подсудимаго, примѣнялась безусловно; но мы имѣемъ въ виду указать на особую систему наказаній, которую примѣнял Алексѣй Петровичъ: она заключалась въ подробномъ объявленіи по корпусу служебныхъ проступковъ подчиненныхъ, при чемъ объявленія эти нерѣдко отличались саркастическимъ тономъ изложенія. Быть можетъ, нѣкоторые найдутъ, что въ такомъ серьезномъ документѣ, какъ приказъ по корпусу, не долженъ быть допускаемъ саркастическій тонъ изложенія, и съ этимъ отчасти нельзя не согласиться, но надобно вспомнить время, въ которое писались эти приказы. Алексѣй Петровичъ, во-первыхъ, хорошо понималъ, что объявленіе проступковъ виновнаго для всеобщаго свѣдѣнія не только не рождаетъ достоинствъ честныхъ и дѣльных сослуживцевъ, но, напротивъ, возвышаетъ ихъ, а во-вторыхъ они сознавали силу ѣдкой насмѣшки, которая иной разъ была дѣйствительно болѣе строгаго наказанія и неотразимо дѣйствовала на самолюбіе прочихъ.

Для приѣбра приводимъ нѣсколько приказовъ этого рода, отданныхъ по корпусу генераломъ Ермоловымъ:

Приказъ 19-го мая 1828 года.

„Удаливъ отъ командованія Вологодскимъ пѣхотнымъ полкомъ г. полковника П\*, даю знать корпусу, которымъ имѣю честь командовать, о причинахъ, побудившихъ меня принять столь строгія мѣры, не взирая на высокое званіе его, ни на службу долговременную. Г. полковникъ П\*, принявъ въ командованіе полкъ, думалъ исполнить всѣ обязанности: построеніемъ прочнаго обоза, заведеніемъ хорошей конской упряжи и новыхъ артельныхъ котловъ, и запасшись, такимъ образомъ, удобнѣйшими въ сѣдѣ средствами, и нѣмало полкомъ не занимаясь, обратился къ хозяйственнымъ упражненіямъ: при-

обрывъ хуторъ на землѣ Кубанскаго полка, казакамъ принадлежавшій, развелъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ въ немаломъ количествѣ; учредилъ хлѣбопашество и весьма умвожилъ хуторостроеніе. Лѣсъ на оное вырубалъ полковыми мастерами въ дачахъ казаковъ, присмотръ за скотомъ и табунами и хлѣбопашество производилъ деньщиками и сурлейтами; изъ коихъ нѣкоторые жили по пяти лѣтъ на хуторѣ; должность же сурлейтовъ, подъ видомъ караула при подъемныхъ лошадяхъ, отправляли строевые люди. Всѣми вблизи расположенными ротами косили сѣно, коны выкармливали свои стада и табуны; при рыболовствѣ, пчеловодствѣ состояли рядовые. За Кубанью, въ мѣстоіе морозы, солдаты вырубали лѣса, и г. полковникъ; въ долѣ съ малороссіянами, гулялъ изъ него ободья. Лѣсъ сей солдаты приносили на себѣ. Между тѣмъ, лазаретъ въ полку съ весьма недавняго времени содержится въ порядкѣ, а прежде люди терпѣли и въ нужномъ недостаткѣ. Оружіе, при осмотрѣ полка отъ генералъ-маіоромъ дель-Поццо, найдено не довольно исправнымъ; ложи по новому образцу передѣлываются только (тѣ); которыя совсѣмъ уже негодны къ употребленію, и вообще новыхъ весьма немного. Пороху для обученія солдатъ никогда не отпускатся въ роты полнаго количества, а между тѣмъ г. полковникъ забавляется стрѣлянїемъ изъ собственныхъ пушекъ, и за сіе удовольствіе заплатилъ деньщикъ его, Денисъ Федоревъ, оторвашию правою рукой, которая отрѣзана выше локтя, и поврежденною ногой, о каковомъ проишествїи г. полковникъ, укрывая, не донесъ начальству, и я сего несчастнаго нашель уже рядовымъ въ 9-й ротѣ.

„Того же полка г. подполковнику Урнижевскому, офицеру отличному и усердному, предписываю принять полкъ на законномъ основанїи; объ утвержденїи его командиромъ представляю Его Величеству Государю Императору.“

„Объявляю мою признательность гг. штабъ и оберъ-офицерамъ за усердіе и прилежаніе, коими удержали они солдатъ въ такомъ видѣ, накого я не ожидалъ. Благодарю за соблюденіе повинности, хотя г. полковникъ поведенїемъ своимъ не приносилъ имъ чести и не внушалъ ни уваженїя къ себѣ, ни охоты къ службѣ.“

Приказъ этотъ мы привели какъ примѣръ объявленїя преступленїй подполковника П\*, немислимыхъ въ наше время, для всеобщаго свѣдѣнїя; но въ то же время не можемъ не удивиться

снисходительности законнаго наказанія преступника и объявляемъ его развѣ только особыми обстоятельствомъ и прежними заслугами полковника П\*, вѣроятно, известными безусловно, строгому къ преступленіямъ генералу Ермолову.

Объявленіе же „принзательности“ гг. штабъ и оберъ офицерамъ „за соблюденіе повиновенія“ слѣдуетъ считать ничемъ инымъ, какъ желаніемъ рѣзко выставить гнусность поведенія полковника П\*, по всей вѣроятности, неоставившаго на службѣ.

Другой приказъ генерала Ермолова, по помоду безопасности командира Донскаго полка, маіора (войсковой старшина) В\*, отличается такимъ тяжкимъ сарказмомъ, который, безъ сомнѣнія, хуже всякаго наказанія и, сколько намъ кажется, дѣйствительнѣе, ближе къ цѣли, чѣмъ всякое другое наказаніе. Но при этомъ просимъ читателей имѣть въ виду, что упречь Алексѣя Петровича вообще донскимъ казакамъ относится къ 1818 году, т. е. къ времени, когда донцы еще не вполне свыклись съ боевымъ кавказскимъ бытомъ. Вотъ этотъ приказъ:

Приказъ 28-го августа 1818 года.

„Дошло до свидѣнія моего, что, июля на 15-е число, въ ночи, хищническая партія изъ Ахалцхскаго шапалтака (\*) осмѣлилась изъ самаго лагеря донскаго маіора В\* похитить 9 казачьихъ лошадей. Проклишествіе это утверждаетъ сдѣланное мною замѣчаніе насчетъ оплошности и чести войску не приносящей службы донскихъ казаковъ въ Грузіи. Одна дѣятельность и неусыпное стараніе начальствующаго ими генералъ-маіора Сысоева 3-го могли удержать ихъ въ вѣкоторомъ порядкѣ; но лишь отовалъ я его изъ Грузіи къ другому по службѣ назначенію, не узнавъ я казаковъ, и у самихъ хищниковъ, извѣстныхъ трусостию, ввалили они въ неуваженіе и терпятъ отъ нихъ низкое порупаніе.

Не было примѣра еще, чтобы когда-либо хищники сдѣлали на лагерь нападеніе, сколь бы мало людей въ немъ ни находилось. Не всегда можно преслѣдовать хищниковъ съ малымъ числомъ людей; но довольно нѣсколькимъ человѣкамъ показать намѣреніе защищаться, чтобы они не смѣли сдѣлать нападенія.

„Господинъ маіора В\* я потому не удостоиваю наказанія, что

(\*) Въ то время Ахалцхскій уѣздъ еще не принадлежалъ намъ, а входилъ въ составъ турецкихъ владѣній.

уже нѣтъ болѣе наказаній, какъ бытъ пренебреженному хищникамъ, и мнѣ остается только предостеречь его, чтобы самого его когда-нибудь не утащали.“ (!)

Вообще Ермоловъ „гроза Кавказа“, во всемъ старался о поддержаніи воинскаго духа въ храбрыхъ кавказскихъ войскахъ и о развитіи строгой нравственности, разумной субординаціи и дисциплины. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что во времена Ермолова, въ рядахъ кавказскихъ войскъ, нередко встрѣчались лица, зачисленные въ кавказскій корпусъ за проступки, содѣянные небезуморивленнымъ поведеніемъ, и низшіе чины, переходившіе туда по совершеніи преступленій. По ходатайству Алаксѣя Петровича, прежде существовавшее правило — о зачисленіи штрафованныхъ въ войска кавказскаго корпуса, въ 1817 году было отменено. Постановленіе это, какъ весьма помянуто, было принято кавказцами съ восторгомъ. Приводимъ приказъ генерала Ермолова по этому случаю:

Приказъ 6-го апрѣля 1817 года.

„Государь Императоръ, не переставая оказывать новыя милости храбрымъ войскамъ своимъ, по всеподданнѣйшему представленію моему, высочайше повелѣтъ соизволить: въ грузинскій отдѣльный корпусъ отнынѣ впредь не отсылать чиновниковъ, въ чемъ-либо виновныхъ, или солдатъ, за побѣги и другіе преступныя наказанныхъ. Отнынѣ впредь гр. офицеры не увидятъ между собою таковыхъ, за поведеніе которыхъ должны были бы они стыдиться. Въ рядахъ храбрыхъ солдатъ грузинскаго корпуса не встанутъ недостойные раздѣлять съ ними труды ихъ въ славу.“

„Объявляя о сестрѣ по корпусу, я долженъ былъ первый и болѣе всѣхъ, какъ со мною и всѣ мой на службѣ товарищи, благодарить великаго Государя за милость, которою онъ вознаграждаетъ усердіе наше и ревность.“

„Ограничиваемся приведеннымъ извлеченіемъ изъ ряда приказовъ А. П. Ермолова, въ увѣренности, что помѣщенныя нами достаточно характеризуютъ „ермоловскіе приказы“.“

\* \* \*